

Клан Дзэнин с его закоренелыми феодальными порядками, клан Годзё, чьё величие то вспыхивало, то угасало из-за непостоянства наследников, и неприметный, почти затерявшийся на их фоне клан Камо — именно такими три великих клана обычно представлялись большинству магов.

Правда, устоявшийся образ Дзэнинов теперь стоило слегка подкорректировать. Сейчас этот клан больше походил на спящий вулкан, в недрах которого уже клочкотала раскалённая лава.

Изучив сведения о двух других семействах, Кавех невольно заинтересовался загадочностью Камо. Клан, веками удерживающий господство в мире магов, обязан своим могуществом уникальным техникам. У Годзё это были легендарные Шесть глаз и Безграничность, у Дзэнинов — Техника десяти теней, а у Камо — Манипуляция кровью. Однако на фоне первых двух кланов способности Камо казались настолько ограниченными, что оставалось лишь недоумевать, каким образом они умудряются сохранять за собой статус третьей великой силы.

— Скорее всего, дело в балансе, — заметил Масамичи Яга.

Равновесие. Обычный триумvirат, где ни одна из сторон не может взять верх. Яга прекрасно разбирался в политических интригах и умел лавировать между скрытыми течениями, сохраняя нейтралитет.

— К тому же они славятся умением вовремя уходить в тень и почти никогда не вмешиваются в распри между Годзё и Дзэнинами.

— Звучит как-то не слишком убедительно, — поделился мыслями Кавех.

Высказав свои сомнения, он послушно забрался в глубокий карман плаща Яги, притворившись обычной спящей проклятой куклой, лишённой проклятой энергии и воли к действию. К этому моменту они уже подошли к резиденции Камо.

Впереди высились массивные ворота, опутанные невидимой сетью защитных барьеров. Поводом для визита стал личный заказ, полученный Ягой — создание проклятой куклы. Как правило, эти искусственные создания сильно ограничены и могут действовать лишь подпитываемые чужой проклятой энергией. Проклятые куклы, способные на полностью независимое существование, пока оставались лишь в смелых мечтах мастера. И всё же в критической ситуации марионетка вполне могла стать надёжным щитом или даже спасти жизнь своему владельцу.

В свободное от заданий время Масамичи нередко брался за подобные заказы, но обычно он создавал кукол у себя в Колледже магии и передавал через посыльных. Случаи, когда ему приходилось лично выезжать к клиенту ради индивидуальной примерки и подгонки, были исключительной редкостью.

Кавех, лишённый возможности свободно двигаться, осторожно подглядывал за происходящим

сквозь крошечную прорезь в карманной ткани. Резиденция Камо во многом походила на усадьбы Дзэнинов и Годзё: повсюду царил безукоризненный, удушающий порядок. Искусственные пруды с каменными горками, длинные крытые переходы и безмолвные слуги, скользящие по деревянным галереям без единого звука — всё это создавало давящую, почти склепную атмосферу.

Гостей вели по коридорам в глубоком молчании — здесь не поощрялось даже праздное любопытство. Наконец их доставили в просторную приёмную. Заказчик, отпрыск одного из влиятельнейших старейшин клана, нетерпеливо ёрзал на шёлковой подушке. Его голова была плотно замотана бинтами — слуги шептались, что молодой господин сильно пострадал на последнем задании. Вот только в этом теле давно не осталось прежнего вспыльчивого мага. Им завладел древний монстр — Кэндзяку.

А началось всё со странной одержимости: Кэндзяку положил глаз на тело Бьякурана. Поверив дошедшим до него туманным слухам, древний паразит тайно следовал за толпами наёмных убийц и проклинателей, чтобы лично оценить способности чужака.

И Бьякуран действительно впечатлял. Несмотря на бесконечную охоту, которую на него устроили, он умудрялся беспечно жевать маршмеллоу и неторопливо путешествовать по миру магов, осматривая достопримечательности.

Для древней твари, чей кругозор ограничивался исключительно традиционным искусством проклятий, а понятия вроде Пламени посмертной воли или эсперских способностей оставались пустой грамотой, магия Бьякурана казалась невероятным откровением. Эта сила подпитывалась не проклятой энергией, а чистой духовной силой самого человека. Более того, во время очередного перемещения Бьякурана сквозь миры, следивший за ним из тени Кэндзяку сквозь клубы поднявшейся пыли воочию узрел великую тайну пространства и времени.

Время и пространство. Волшебные, манящие величины.

Никому ещё не удавалось подчинить себе ход времени. Кэндзяку веками менял человеческие оболочки, словно изношенные перчатки, лишь бы спастись от неумолимого старения и тления. И вдруг перед ним предстал тот, кто играючи повелевал самими законами мироздания.

Завладей Кэндзяку этой мощью, и пресловутые Шесть глаз перестали бы быть для него угрозой. Он мог бы стирать любых врагов ещё в колыбели, а его великий замысел воплотился бы на несколько столетий раньше. Ему не пришлось бы тратить десятилетия на детальную подготовку к пленению юного обладателя Шести глаз.

Разумеется, древний паразит мало что смыслил в парадоксах времени и возможных пространственных катаклизмах — например, в том, что за подобные игры его до конца вечности будут преследовать хранители мирового порядка.

Всякие сомнительные артефакты вроде легендарной «Книги» мгновенно потеряли для него

прежнюю ценность. Бьякуран превратился в изысканное, источающее дурманящий аромат блюдо, ради которого стоило пойти на любой риск. Кэндзяку избрал свою излюбленную тактику: он неотступно следовал за жертвой, исподтишка натравливая на неё смертельные опасности и выжидая момент, когда остывающее тело можно будет прибрать к рукам. Так что все проклинатели и проклятые существа, нападавшие на Бьякурана во время его прогулок, прямо или косвенно действовали с подачи древнего интригана.

— О? — забавлялся Бьякуран.

Его откровенно веселил преследователь со шрамами от грубых стежков на лбу, раз за разом менявший человеческие обличья. В качестве ответного жеста Бьякуран просто швырнул Кэндзяку загадочную коробку — ту самую Тюремную обитель, в которой сейчас томился Сатору Годзё. Ему нетерпелось посмотреть, что этот любопытный образец предпримет дальше. По иронии судьбы, в тот момент Кэндзяку занимал тело одного из магов клана Годзё и как раз намеревался нанести Бьякурану удар в спину, пока тот дожидался возвращения Сатору.

В результате прогремел колоссальный взрыв, потрясший до основания всю усадьбу Годзё. Кэндзяку пришлось пожертвовать всеми своими запасными телами, чтобы разорвать притяжение Тюремной обители. Единственным его уцелевшим прибежищем осталась тайная личина в клане Камо.

Но радоваться было рано: сейчас он испытывал на себе всю тяжесть последствий пространственного удара Бьякурана. То, что Кэндзяку считал желанным пространственно-временным чудом, обернулось разрушительной силой, буквально разрывающей душу незадачливого похитителя тел.

Эта чуждая, атакующая само существование сила впилась в него мёртвой хваткой, словно ядовитая змея, душащая добычу. Путём проб и ошибок Кэндзяку выяснил, что пагубное воздействие слабеет лишь при переселении души, однако платой за это становилось мгновенное разрушение старой оболочки.

«Значит, нужно просто сменить ещё несколько тел», — злорадно заключил он.

С трудом сдерживая разрушительные импульсы, Кэндзяку понимал, что ему жизненно необходим новый перенос. Но свободных марионеток у него больше не осталось, а сбежать из поместья Камо в таком плачевном состоянии, чтобы раздобыть труп какого-нибудь сильного мага, он физически не мог.

И тут его осенило:

"Проклятые куклы!"

Проклятая кукла могла стать идеальным временным пристанищем. Разумеется, Кэндзяку не собирался оставлять свидетелей. Он планировал убить мастера сразу после завершения

работы, а затем забрать и его тело, превратив искусного кукольника в свой очередной постоянный сосуд. Замысел казался безупречным. Ему нужно было лишь немного привыкнуть к особенностям нового деревянно-тряпичного тела, после чего он получил бы в своё распоряжение ещё одну ценную способность.

Так Масамичи Яга, признанный мастер создания проклятых кукол, получил этот заманчивый заказ и оказался лицом к лицу с тысячелетним чудовищем.

— Скажите... вам действительно нужна кукла, точь-в-точь повторяющая ваши собственные пропорции? — с сомнением спросил Яга.

Размер проклятой куклы напрямую влиял на объём требуемой проклятой энергии. Оценивая ауру стоявшего перед ним заказчика, мастер сильно сомневался, что у того хватит сил поддерживать столь громоздкое творение.

— Именно так, — высокомерно процедил Кэндзяку, изо всех сил стараясь сохранять величие прежнего владельца тела.

Он властным жестом приказал Яге не тратить время на лишние разговоры, поскорее закончить работу прямо здесь, в резиденции Камо, и убраться восвояси.

— Как угодно... — вздохнул Яга.

Ему не раз приходилось иметь дело с капризными и заносчивыми магами из великих кланов. С подобными клиентами он предпочитал вести себя тихо: молча делать свою работу, отдавать заказ и как можно быстрее обрывать любые контакты.

На этот раз от него требовалось создать полноразмерную, ростовую куклу. Из-за крайней подозрительности нанимателя Яге пришлось обустроить мастерскую прямо в выделенных покоях и собирать проклятую куклу на глазах у заказчика, демонстрируя каждый этап работы. Изготовление такого сложного творения сильно отличалось от привычного шитья из ткани и набивки ватой. Мастеру требовались куда более редкие материалы, способные имитировать человеческую кожу и плоть, что отнимало массу сил и времени.

Запертый в комнате Кавех зря времени не терял. Пока Яга корпел над заготовками, архитектор неослабевающим взглядом следил за каждым движением странного господина Камо. И очень скоро подметил пугающие странности.

"Будь настороже. С ним явно что-то не так"

Когда Кавех принимал облик аранары, он обретал уникальное свойство: в глазах обычных людей он полностью лишался каких-либо признаков живого существа. Подобно тому, как растерявшие детскую чистоту взрослые не способны разглядеть аранар, любой маг,

попытавшийся просканировать Кавеха, обнаружил бы лишь безжизненную тряпичную игрушку.

Истерзанный пространственным ударом Кэндзяку был слишком слаб, чтобы почуять неладное, а потому весь день провёл под пристальным наблюдением невидимого соглядателя.

— Что ты имеешь в виду? — едва заметно шевельнул губами Яга, не отрываясь от шитья.

"Его движения... они лишены естественности. Знаешь, будто заржавевший механизм, из которого вытащили половину шестерёнок"

Это не была обычная физическая скованность после тяжёлой травмы. Кавех видел глубокий внутренний разлад — словно между разумом этого человека и его физической оболочкой выросла глухая, непреодолимая стена. Более того, когда заказчик смотрел на Ягу, его зрачки оставались пугающе расширенными и мутными, совершенно не реагируя на свет. Такой остекленевший взгляд бывает лишь у покойников.

Архитектор всё сильнее убеждался, что загадочный наниматель замышляет против Яги недоброе, и поспешил предостеречь мастера. Сам Масамичи, возможно, тоже заметил бы неладное, если бы не вынужден был сидеть с поклоном, ожидая, пока старейшина соизволит передать ему особый сосуд для запечатывания проклятой энергии. Но в резиденции Камо даже именитому мастеру приходилось неукоснительно соблюдать строгий этикет ради собственной безопасности. Ему оставалось лишь смиренно опускать глаза и полагаться на бдительность своего маленького компаньона.

Мастер промолчал, продолжая мерно укладывать стежки. Могла ли обычная рана так исказить повадки человека? Пожалуй, нет. Но при всём своём опыте Яга не мог даже вообразить, что в чужом теле угнездился древний паразит. Ему оставалось лишь удвоить бдительность и молиться, чтобы визит обошёлся без происшествий.

"Когда он подойдёт в следующий раз, я рассмотрю его получше" — мысленно отозвался Яга.

Слова Кавеха заронили в его душу глубокое сомнение. Теперь Масамичи приходилось тратить куда больше сил, чтобы сохранять невозмутимость перед лицом подозрительного заказчика. Работа над столь сложной проклятой куклой продвигалась крайне медленно, поэтому Яга со всей очевидностью задерживался в гостевом крыле усадьбы Камо на неопределённый срок.

А для Кавеха это означало лишь одно: у него появилось предостаточно времени, чтобы как следует изучить это таинственное гнездо интриг.